

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

О спектакле «А зори здесь тихие...»

«Бывает горе — что косматая медведица, навалилась, терзает — света не извидишь. А отпадет — и ничего, вроде, можно дышать, жить, действовать...» Это строки из повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», которую автор, преодолев инерцию уже прожитого, прочувствованного, сумел зарядить сегодняшней энергией, сегодняшним пониманием событий почти тридцатилетней давности, сделав их документом не только тех лет, но и современного звучания.

Автору сценической композиции и постановщику этой повести заслуженному деятелю искусства РСФСР В. Соколову была важна и интересна не только сюжетная сторона произведения, но прежде всего поэзия подвига, страстной любви в человека и его возможности. В. Соколову удалось передать своеобразие повести В. Васильева, ее эмоциональный настрой и найти тонкую и убедительную «клавиратуру» сценических средств — органичных, скупых, порой откровенно условных, символических, но неизменно исполненных поэтической правды. Художественное решение спектакля в основном соответствует замыслу режиссера (художник О. Шербаков).

событиями, которые неумолимой памятью воскресаются с достоверной точностью и как будто происходящими именно сейчас, сию минуту. Как кинокадры, всплывают в глубине сменя фотографии всех пятих — милых, нежных, грустных и веселых девичьих лиц.

Вот Женя Комелькова (ее играет заслуженная артистка РСФСР В. Устинович). Разве можно забыть эту озорную, смелую, красную, немислимоу девушку? Под прицелом фашистских автоматов, скрытых в лесной чаще, с отчетливой решимостью плещется она и озере и ликующими возгласами зовет воображаемых десорбров купаться. А за всем этим — ужас «живой и тяжелой, как ртуть». А первая рукопашная с врагом, преступающая через естественный, как жизнь, закон «не убий»? А наступившая затем смерть, в которую Женя ни на миг не могла поверить?.. «Цель так глупо, так несурзано и неправильно подобно умирать в восемнадцать лет».

Девятнадцатилетняя Рита Осипова тоже была убита, что ничего плохого ей не может случиться. Актриса Г. Аверянова играет человека удивительно мужественного, старательно прячущего свою нежность и женственность под броней замкнутости и аскетизма. Пластическое и психологическое решение этого образа делает ее Риту покоряюще обаятельной, человеческом светлой и чистой мечтой.

Вольной похвалы заслуживает также работа Т. Алехиной в роли Лизы Бричкиной. Она тоже, как и ее подруги, до последнего мгновения верила в свое завтра. Завтра — для дочери лесника, мало обласканной счастьем, — это жизнь, полная радости, доверия и людям и прождавшейся нежности — Васькову. Лиза Т. Алехиной образует своим человеческим своеобразием, угловатой мальчишеской трапезой, астенгичной вострой, непосредственностью чувств. Известно о ее гибели в болоте врывается в спектакль еще одним трагическим аккордом о еще одной невозвратной потере.

Эмоционально и пластически выразительно решена режиссером сцена гибели Соли Гурвич (ее играет Т. Богвиная). Маденный и слабый «таджикский утенок», облаченный в солдатскую форму, она победила искушение с мажоркой, забытый старинной в лесу. Пули настигли девушку...

А впечатлительная и бесприютная Гали Четвертак (С. Романова), воспитывавшаяся в детском доме, жила не реальностью, а воображением. С отчаянием бросилась девушка под автоматную очередь. Туда погнался ее ужас, стужа и чужбинный...

Все это воспоминания старшины Васкова. В. Куличенко играет его человеком негетной судьбы, простыми основательными и добросовестными. В исключительных обстоятельствах он проявляет подлинное мужество. Такой Васков очень хорошо чувствует и понимает людей. Их мысли, чувства он воспринимает через призму собственного сердца — щедро, широко, человечески талантливо. Васков в спектакле становится тем горем, чей рассказ о последние человека с войной произвел огромное, глубоко выстраданное желание мига. Это лейтмотив творческих «Азоре», работы страстной и поэтической. Поэтому мы обходим молчаливо ее отдельные недостатки, тем паче, что театр первым извинился поставить вовсе не легкую для сценической интерпретации повесть В. Васильева, вряд ли мог избежать их. Зато он избежал безразличия и бесцветности постановки. А это в конце концов главное.

С. ШВЕЦОВА.

Пластическое решение многих мизансцен отмечено скульптурностью, одухотворенностью, четким ритмом, гармонией. В этом немалая заслуга балетмейстера Юлии Визора, принявшего участие в работе театра.

События, о которых рассказывал спектакль, происходили на севере нашей страны летом 1942 года. Недавно пришло эдешнему командиру, старшине Федоту Вагарицу Васкову (В. Куличенко). Ратонал он получил в свое подчинение боеисособных и примерных по весу солдат десничиков. И вот командование прислало бойцов — и невоющих, и некурщих. Только всл компда оказалась состоящей из особ прекрасного пола, конечно, молодых. И вместо привычных и простых военных забот легли на плечи Васкова заботы не вполне обычные и ранящие его скромное самолюбие. И мораль читал он, и инструкции, и наставления. Но что толку? Девушки-бойцы парировали не очен-то гибкие поучения старшины. А Васкову с его четырехклассным образованием нелегко было дотянуться до них, образованных и острых на язык...

Но вот кончилось недолгое фронтовое затишье. На светлом заднике, в глубине сцены, возникают огромные течи с автоматами — как грозный символ войны с ее ошеломляющим нелепостями и несправедливостями. Само название повести «А зори здесь тихие...» является контрастом к общей оценке событий, происходящих близ Легонова озера, где героически сражались и погибли пять молодых девушек. Уцелел один лишь старшина. Но он оказался бессильным заслонить от пуль тех, кто был рядом с ним. Оборвались навсегда пять маленьких птучек «в бесконечной прилке человечества». И Васков кинет со сцены в зал обжигающе горькие слова о неизлечимой боли человека, память которого никогда не сможет спряться с этими потерями. В его печальном торжестве победителя не будет даже гордости, так огромно и несправедливо горе.

Васков-Куличенко, — рассказчик всего происходящего. Но его воспоминания все время перемежаются с